

Краснокутский Г.Е.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА РАЗДЕЛКИ ОХОТНИЧЬЕЙ ДОБЫЧИ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Г.Е.Краснокутский. Bison Butchering in the Late Palaeolithic of the Northern Black Sea Littoral (Technological Perspective).

The paper suggests some reconstruction and explanation concerning bison carcasses butchering at the Late Palaeolithic sites of the Northern Black Sea littoral. To resolve the issues of reconstruction and explanation, the author provides the study of quantitative and spatial distribution of flint artifacts and, first of all, osteological finds at the most well-known sites in the region: Amvrosiyevka, Kamennaya Balka 2, and Anetovka 2, the latter basically. Bone frequency and spatial distribution are verified through comparing them with each other as well as with relevant ethnographic and Paleoindians' data, which sheds additional light upon information hidden in the sites' materials. As a result, the author reconstructs butchering process at Anetovka 2 site in detail and builds a model of bison carcasses preliminary butchering (technological perspective) at the steppe sites of the region. According to the model, butchering is expanded in time and space and consisted of several stages and steps, which to some extent fits in with ethnographic practice and butchering patterns of Paleoindians. The model can serve as a framework in further investigation of specific bison butchering cases.

В археологии каменного века существует целый ряд проблем, решение которых сугубо археологическими методами практически невозможно. Одной из таких проблем до сих пор является реконструкция "хозяйственно-культурного типа", точнее, модели адаптации к природно-географической среде, на которой базировали своё существование первобытные сообщества прошлого. Разделка охотничьей добычи на памятниках палеолита представляла собой частный случай хозяйственной деятельности древних людей, однако, являясь необходимым звеном в единой цепи процесса жизнеобеспечения и будучи сама по себе достаточно глубоко структурированным процессом, она вполне достойна отдельного специального исследования. По нашим представлениям, тема разделки включает в себе несколько тесно взаимосвязанных аспектов, но полное их изучение заняло бы слишком много места, в связи с чем в данной работе мы остановимся лишь на её технологическом аспекте.

Если практиковать узко археологический подход при реконструкции разделочного процесса, львиная доля информации так и останется нерасшифрованной, а восстановленная картина этого процесса — неполной, а то и вообще не соответствующей действительности. Поэтому необходим хотя бы краткий экскурс в область этнографических и исторических сведений по

поводу разделки как таковой, чтобы иметь представления о том, что может быть отражено в конкретном археологическом материале, чаще всего фрагментарном и недоступном для непосредственной расшифровки.

Операции по разделке охотничьей добычи подразделяются на несколько этапов, и если на поселении или памятнике другого вида мы обнаруживаем следы полной разделки, это ещё далеко не означает, что все звенья процесса соединились в общую цепочку именно здесь, ибо начинается разделка, как правило, ещё на месте забоя. Охотники должны приступить к разделке тотчас после завершения охоты, так как остывшая и тем более подмороженная туша требует впоследствии многократного увеличения трудозатрат и применения тяжёлых рубящих орудий.

Для снятия шкуры обычно делался круговой надрез в верхней части шеи, в месте отчленения головы от туловища, затем следовал продольный разрез области грудной клетки и брюха, от которого шкура отсекалась по внутренним поверхностям конечностей до лучезапястного и голеностопного суставов (Binford & Bertram 1977: 90). L. Binford сообщает, что нижние части конечностей оставались при шкуре, однако это было вызвано не технологической потребностью процесса разделки, а тем, что шкуры готовились на продажу.

Шкура снималась, как правило, с хвостом. Судя по материалам Gull Lake site, где среди скелетных остатков в изобилии были найдены хвостовые позвонки, то же самое делали и палеоиндейцы.

После свежевания вскрывалась утроба и извлекались кишечник и все внутренние органы, которые рассортировывались и складывались в снятую шкуру для удобства транспортировки. Далее отделялась голова; если использование этой части туши не предусматривало ритуальных церемоний, она оставлялась на месте первичной разделки как ненужный балласт. По остеологическим материалам Gull Lake site прослежено, что голова отделялась от туловища между атлантом и вторым шейным позвонком (эпистрофеем), причём последний мог иногда сильно разрушаться в ходе этой операции (Кеное 1973: 153).

Рога бизона также довольно легко было отделить и снять с рогового стержня посредством круговых надсечек у основания, что и делали палеоиндейцы, использовавшие рога в качестве орудий труда.

На всех без исключения памятниках каменного века сохранились многочисленные и достоверные доказательства разрушения черепа для извлечения языка и головного мозга. Нижние челюсти и нижние зубы — одна из наиболее многочисленных категорий костных остатков. Челюсти отделялись в области суставного мыщелка и сосцевидного отростка, при этом для удобства манипулирования ветвями челюстей они могли разбиваться в области резцов на две части. Вероятнее всего, на предварительном этапе челюсть отделялась вместе с языком и складывалась купно с другими органами для дальнейшего использования на поселении.

После отделения языка вынимался и головной мозг, если в том была необходимость. На Gull Lake site был установлен и другой канал извлечения головного мозга — через отверстие, образовывавшееся после удаления основания черепа; именно этот способ применялся чаще всего (Кеное 1973: 153).

Верхние челюсти, по мнению Т. Кеное, специально разделке не подвергались, и присутствие их на месте забоя объясняется разрушением черепа при разделке других его частей.

По окончании этих процедур от бизона оставалось то, что, собственно, и называется тушей, то есть скелетно-мышечный остов, состоящий из осевого отдела и конечностей. Эта туша расщеплялась на две части между последним грудным и первым поясничным позвонками, чтобы удобнее было работать с менее крупными сегментами (Binford 1978: 51-52). Кроме того, точка между поясничным и грудным отделами позвоночного столба является критической и наиболее уязвимой для переломов, и её использование говорит о том, что первобытные люди были хорошо осведомлены об особенностях

физической конституции животных.

Многочисленные находки шейных позвонков в анатомическом порядке указывают на отделение шейного отдела. Грудные позвонки представлены в основном фрагментами тел, остистые же отростки сильно разрушены, очевидно, для добывания обладавшего высокой калорийностью спинного мозга и удобства снятия мяса. Грудина отделялась вместе с рёбрами, после чего позвонки с присоединёнными к ним рёберными головками покидались на месте разделки.

Позвонки пояснично-крестцового отдела очень редки среди остеологических остатков Gull Lake site.

От плечевой кости сохранились преимущественно остатки дистальных эпифизов, которые отделялись от тела кости с помощью тяжёлых рубящих орудий, следы работы которыми зафиксированы на Gull Lake site. Сходная модель расчленения обнаруживается и в случае радиальной, локтевой костей, а также костей базиподий.

В материалах Gull Lake site не найдено ни одной целой тазовой кости бизона, что, по мнению автора раскопок, означает, что тазовая кость разбивалась пополам вдоль для расчленения таким образом пояса задних конечностей.

И бедренная, и большая берцовая кости расчленялись в области дистального эпифиза, причём дистальный эпифиз большой берцовой кости часто находился в суставном сочленении с метатарзальными костями. Коленная чашечка в большинстве случаев залежала изолированно, что склонило Т. Кеное к выводу о разделке задней конечности также и в области колена.

Отделы базиподий, как правило, разделке не подвергались.

Археологические комплексы с очерченной выше моделью разделки широко известны в каменном веке Северной Америки (Frison 1970; Frison 1973; Frison 1974; Wheat 1972). Фаунистические комплексы подобного рода характеризуются повышенной долей лопаточных, тазовых костей, элементами позвоночного столба, а при более продвинутой стадии разделки — рёбрами и костями базиподий (метакarpальные, карпальные, метатарзальные, тарзальные, пяточные, центральные и т.п., а также сесамовидные и фаланговые).

Л. Binford обобщил этнографические сведения о разделке туш животных у восьми народов всех ландшафтных зон и всех, как мы бы сказали, хозяйственно-культурных типов и выявил пять существенных закономерностей разделочного процесса (Binford 1981: 91):

- 1) голова отделяется от шеи между основанием черепа и первым шейным позвонком;
- 2) шея отделяется от остальной части позвоночного столба и затем освобождается от мяса;
- 3) передние конечности отделяются от осевого отдела, после чего нижние части отчленя-

ются в области лучезапястного сустава;

4) задние конечности отделяются от позвоночника двумя способами, одинаково распространёнными:

а) если имеются массивные орудия разделки, то вместе с обломками таза, разбиваемого пополам;

б) при отсутствии крупных рубящих орудий разделка проходит через тазобедренный сустав, а пояснично-крестцовый отдел становится самостоятельной единицей разделки.

Все остальные варианты разделочного процесса обусловлены размерами животных, мощностью их суставных связок и технической вооружённостью людей.

Перечисленные выше моменты разделочного процесса практически обязательны в силу того, что они продиктованы физической конституцией скелета животных; это даёт нам основания полагать, что выделенные L. Binford'ом закономерности, а также вариации в проявлении этих закономерностей, могут быть отражены и в археологическом материале палеолитических памятников.

Осуществить реконструкцию разделочного процесса на памятниках позднего палеолита становится возможным лишь при условии соблюдения тонкостей методики и детальности аналитических процедур, что ограничивает проведение реконструкции только теми материалами, которые доступны исследователю в полном объёме. По этой причине мы вынуждены строить археологическую модель разделки преимущественно на данных по остеологическим

остаткам Анетовки 2 (Николаевская область) как наиболее хорошо известного нам памятника. Хотя имеются достаточно полно опубликованные списки скелетных элементов бизонов по Амвросиевке (Леонова, Миньков 1987) и Каменной Балке (Leonova, Min'kov 1988: 206), эту информацию не приходится считать исчерпывающей, поскольку в ходе реконструкции важен не столько сам список, сколько **типы сочетаемости скелетных элементов и степень расхождения между естественно-биологической структурой (конституцией) животного и пространственной сопряженностью скелетных элементов** в комплексах по утилизации охотничьей добычи. Фаунистические комплексы палеолитических памятников степной зоны подверглись настолько сильным разрушениям со стороны естественных факторов, что археологи, как правило, лишены возможности наблюдать модели расчленения животных непосредственно, то есть исследовать следы порезов на костях, характер залегания анатомических групп и пр. В наших условиях единственно доступным методом изучения оказался планиграфический метод сравнения структур пространственно отделённых комплексов по предварительной разделке туш бизонов западного участка Анетовки 2.

Особый характер западного участка сразу обратил на себя внимание при сравнении его с восточным (см. рис. 1).

На восточной половине раскопа располагалось большое (свыше 1000 кв. м.) макроскопление кремнёвых и остеологических находок

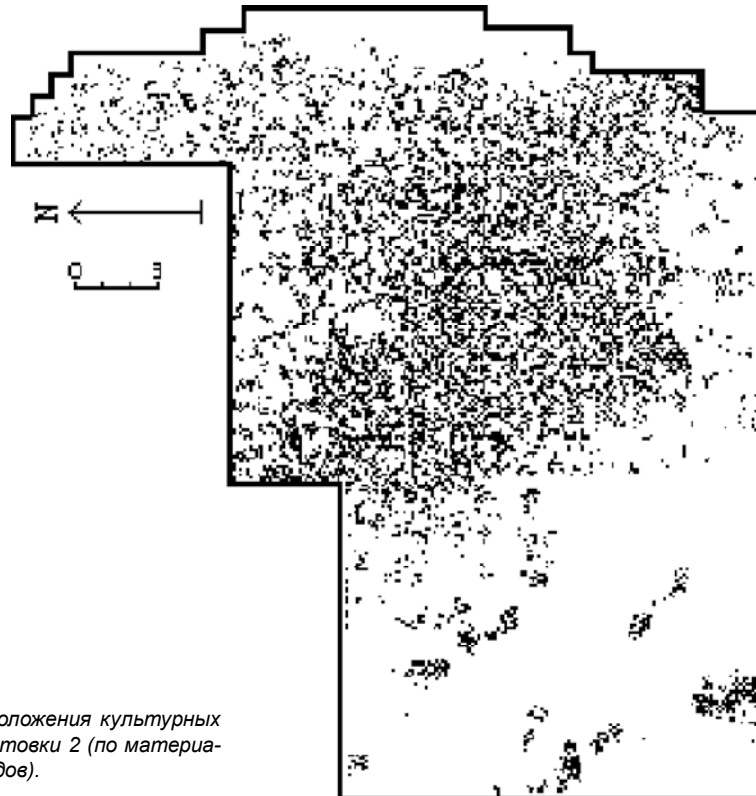

Рисунок 1. Общая схема расположения культурных остатков на площади Анетовки 2 (по материалам раскопок 1978-1987 годов).

Тип изделия	УЧастки раскопок	
	Западный	Восточный
Нуклеусы	1207	20994
Одноплощадочные нуклеусы	990	14393
Двухплощадочные нуклеусы	213	6349
Трёхплощадочные и многоплощадочные нуклеусы	4	252
Сколы обновления нуклеусов	246	12338
Отщепы	3595	276708
Крупные и средние пластины	1548	106960
Микропластины	300	31180
Пластины в целом	1848	138140
Отходы производства	1168	33926
Острия и микроострия	40	2021
Пластины и микропластины с притупленным краем	37	4547
Пластины и микропластины с ретушью	52	2030
Резцы	244	3518
Резцовые сколы	41	1525
Скребки	25	688
Отщепы с ретушью	23	1146
Осколки с ретушью	25	69
Единичные формы	69	484
Изделия и находки из других материалов	15	230
Изделия с ретушью в целом	530	14503

Табл. 1. Список кремнёвых изделий с восточного и западного участков раскопок Анетовки 2

(здесь и далее приводятся данные по раскопкам 1978-1987 годов; несмотря на некоторое пополнение коллекции в последние годы, общая картина количественного распределения остаётся прежней).

подовальной формы, вытянутое с юго-востока на северо-запад на расстояние не менее 30 м и имевшее в поперечнике 16-18 м. Это аморфное с виду образование было предельно насыщено археологическим материалом (для кремнёвых изделий — от нескольких десятков до 4279, для фаунистических находок — от нескольких десятков до 1500). Количественное соотношение технологических групп нуклеусов, сырьевых полуфабрикатов, отходов и продуктов первичного расщепления, а также их массовость свидетельствуют о полном цикле кремнеобрабатывающего производства; удельный вес изделий со вторичной обработкой типичен для большинства памятников, отождествляемых со стойбищами или поселениями, а набор их охватывает практически все стороны производственной деятельности при выраженном доминировании микролитов и резцов, функционально связанных с производством и использованием охотничьего вооружения (Табл. 1).

Остатки бизонов в культурном слое макроскопления представлены всеми без исключения элементами скелета; состав и характер остеологических находок отражает полную степень утилизации бизоньих туш вплоть до извлечения костного мозга. Совокупность всех этих признаков, по нашему мнению, соответствует понятию непосредственно жилой площади поселения (Краснокутский 1991).

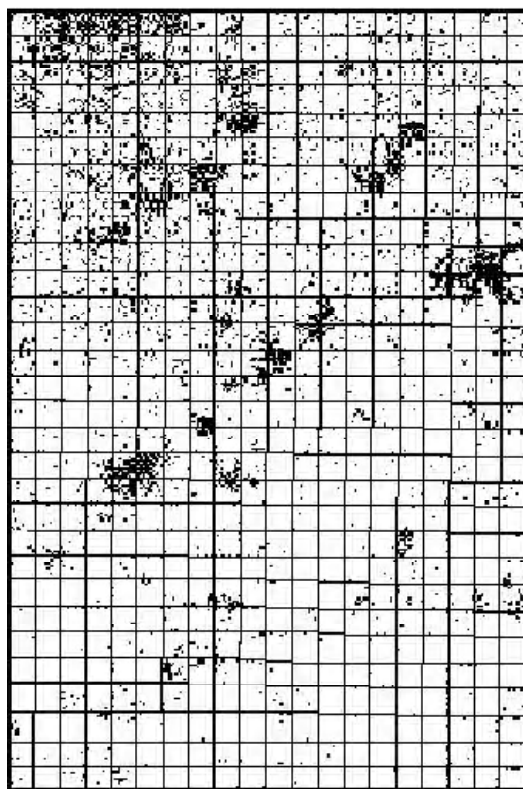

Рис. 2. Пространственное распределение микрокомплексов на западном участке раскопок Анетовки 2.

Западный участок (Рис. 2), занимающий площадь около 600 кв. м., разительно отличается от восточного.

Залегая в сходных стратиграфических условиях и будучи пространственно связан с восточным, он имеет на несколько порядков меньшую плотность находок. Кроме того, весь участок обладает совершенно другой планиграфической структурой: вместо обширного макроскопления здесь были вскрыты небольшие компактные (от 2 до 5 м в поперечнике) микрокомплексы, основу которых составляют скопления остеологических остатков, сопутствующие им немногочисленные кремнёвые изделия, в ряде случаев — каменные плитки и крупные камни

(см.: Станко 1989: 55, рис. 1). На участке также имелась в древности по меньшей мере одна крупная промоина, однако культурные остатки были размыты незначительно и в целом располагались *in situ*, что видно из положения камней и крупных костей, перемещение которых как по вертикали, так и по горизонтали было минимальным либо вообще не имело места.

Состав находок, являясь гомогенным для западного участка в суммарном выражении, достаточно сильно отличается от восточного по структуре комплекса кремнёвых изделий и количественным соотношениям костных остатков (Табл. 1; Рис. 3).

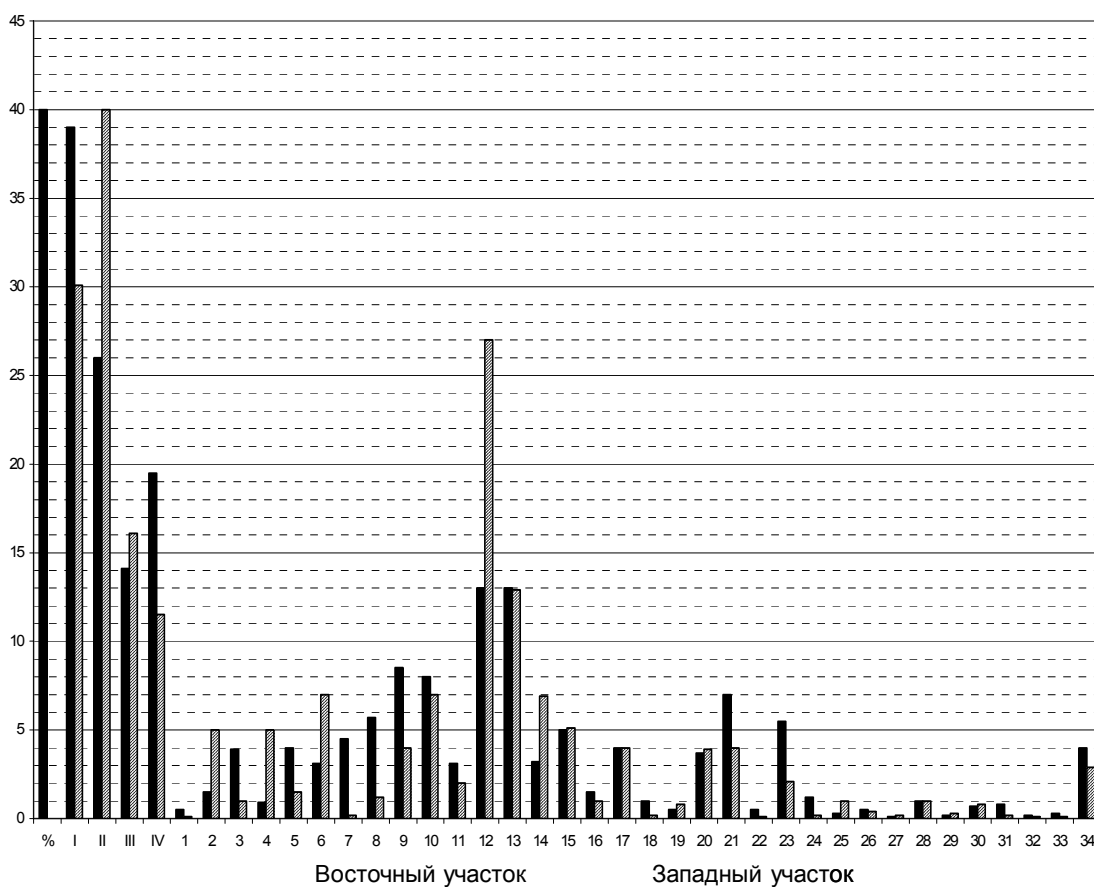

Рис. 3. Пространственное распределение скелетных элементов бизона по участкам раскопок Ане-товки 2.

I.	Черепной отдел.	10.	Нижняя челюсть.	23.	Большая берцовая кость.
II.	Осевой отдел.	11.	Зубной лом.	24.	Малая берцовая кость.
III.	Передние конечности.	12.	Позвонки.	25.	Пяточная кость.
IV.	Задние конечности.	13.	Рёбра.	26.	Таранная кость.
1.	Рог.	14.	Лопаточная кость.	27.	Добавочная кость.
2.	Черепная коробка.	15.	Плечевая кость.	28.	Центральная кость.
3.	Ушные кости.	16.	Локтевая кость.	29.	Метатарзальная кость.
4.	Верхняя челюсть.	17.	Лучевая кость.	30.	Сесамовидная кость.
5.	Верхние премоляры.	18.	Карпальные кости.	31.	1-я фаланга.
6.	Верхние моляры.	19.	Метакарпальные кости.	32.	2-я фаланга.
7.	Резцы.	20.	Тазовая кость.	33.	3-я фаланга.
8.	Нижние премоляры.	21.	Бедренная кость.	34.	Фаланги в целом.
9.	Нижние моляры.	22.	Коленная чашечка.		

В инвентаре западного раскопа втрое больше доля нуклеусов, а комплекс изделий со вторичной обработкой значительно беднее типологически; доминирование микролитов, почти исчезающих, сменяется господством резцов и ростом доли невыразительных форм, прежде всего отщепов с ретушью. Инвентарь западного участка содержит очень мало предметов охотничьего вооружения и по набору орудий тяготеет к разновидностям внутривоселенческой деятельности.

Эти отличия дополняются сравнительным анализом количественного распределения элементов скелета бизона по участкам (Рис. 3).

Фаунистические остатки, как бы в соответствии кремнёвому инвентарю, также отражают боевую узость в наборе частей скелета и видового состава, демонстрируя ещё ярче выраженную специализацию, направленную на бизона: если на восточном участке найдены остатки 24 видов, то на западном, кроме бизона, можно назвать лишь северного оленя, представленного в основном сброшенными рогами (хотя имеются и отбитые основания рогов, и отдельные кости конечностей), и широкопалой лошади, от которой сохранилась лишь одна фаланга.

Процентная доля черепных костей и костей задних конечностей на западном участке ниже, а передних конечностей и особенно осевого отдела — выше, чем на восточном; среди фрагментов длинных костей преобладают эпифизы, существенно меньше доля рёбер, пястных, запястных, плюсневых и заплюсневых костей, благодаря чему индекс диагностичности фрагментов при гораздо более плохой сохранности костной ткани вдвое превышает аналогичный показатель по восточному участку (18.9 против 9.8%). В целом для всех скоплений западного участка характерно отсутствие рогов, слабая представленность остатков черепной коробки, обилие фрагментов верхних челюстей, позвонков и обломков костей верхних отделов конечностей. По своей скелетно-элементной структуре микрокомплексы западного участка выказывают такую же гомогенность, как и при рассмотрении номенклатурного списка кремнёвых находок.

Материалы скоплений западного участка являют собой, таким образом, не разросшуюся в сторону периферию восточного макроскопления, а самостоятельную жизненную зону со следами специфической деятельности, связанной в разделыванием и отчасти потреблением охотничьей добычи.

Общая характеристика микрокомплексов уже опубликована, хотя и не во вполне удовлетворительном виде (Станко 1989), поэтому здесь уместно будет сразу перейти к анализу пространственного распределения костных остатков на площади западного участка по отделам и элементам скелета.

Черепной отдел скелетов бизонов представлен практически всеми фрагментами черепа, включая каменистые (ушные) кости. Количество преобладают нижние и верхние зубы, найденные, как правило, в составе зубных рядов либо в обломках ветвей нижних челюстей. Между тем фрагменты мозговой части черепа связаны либо с наиболее мощными и выразительными скоплениями, либо с комплексами, в состав которых входили каменные плитки и крупные камни.

Распределение элементов осевого отдела демонстрирует явное преобладание шейных и грудных позвонков, как разрозненных, так и довольно часто залежавших в анатомическом порядке. Частая встречаемость отдельных первого и второго шейных позвонков и фрагментов позвоночных столбов шейного и грудного отделов является характерной особенностью данного участка; примечательно, что локализация их связана с наиболее кучными и насыщенными скоплениями. Следует отметить незначительное количество остатков рёбер, несмотря на их сильную фрагментированность. Кроме того, ни на одном из скоплений не было обнаружено позвонков и рёбер в анатомическом сочленении.

Среди остатков плечевого пояса встречены фрагменты лопаточной, плечевой, лучевой и локтевой костей; обращает на себя внимание немногочисленность остатков метакарпальных и полное отсутствие карпальных костей. Лопатки в массе своей представлены головками и лишь в некоторых случаях лопаточной костью, чаще всего сильно разрушенной. Фрагменты лопаток совершенно отсутствуют или крайне малочисленны в половине микрокомплексов; основное количество расположено в двух наиболее мощных скоплениях, причём лишь в одном сохранились четыре целые кости.

Кости плеча и предплечья распространены равномерно и обнаружены почти во всех комплексах. От плечевой кости остались главным образом фрагменты нижних концов; только в одном скоплении зафиксированы 3 верхних эпифиза. Локтевые кости представлены исключительно фрагментами верхнего эпифиза с полукруглой вырезкой. Для фрагментов лучевой кости характерно двукратное преобладание верхних эпифизов над нижними. Все остатки залежали в разрозненном состоянии, за исключением одного случая, когда был найден полностью сохранившийся в анатомическом порядке локтевой сустав. Диафизы длинных костей малочисленны и достаточно сильно фрагментированы.

Из остатков заднего пояса конечностей определены фрагменты тазовой (почти исключительно суставных впадин) и трубчатых костей; пространственное распределение их по сравнению с плечевым поясом характеризуется меньшим разбросом и теснее сопряжено с наиболее полными по составу остеологического

материала скоплениями. Почти в половине комплексов обнаружены большие вертлюги бедренных и нижние эпифизы больших берцовых костей. Более или менее равномерно распределены таранные и пяточные кости; коленная чашечка и центральная кость имеются лишь в единственном экземпляре. Метатарзальные кости в виде двух фрагментов эпифизов происходят только из одного скопления, при этом один из них находился в анатомическом сочленении с пяточной, таранной, центральной костями и нижним концом большой берцовой. Фрагменты диафизов ещё малочисленнее, чем диафизы костей передних конечностей.

Фаланги, как и другие кости мелких размеров, локализованы в самых насыщенных комплексах; можно говорить об относительном преобладании первых фаланг при полном отсутствии третьих.

В возрастной структуре преобладают взрослые животные. Остатки молодых и полувзрослых особей представлены незначительным количеством фрагментов конечностей плечевого и тазобедренного поясов и никак не влияют на общую картину пространственного распределения костей бизонов.

Проведённый планиграфический анализ позволяет описать процесс разделки на Анетовке 2 и сопоставить его с этнографическими и палеоиндейскими данными (в качестве образца последних были использованы материалы достаточно хрестоматийного для отечественной археологии памятника Gull Lake).

Мы не имеем указаний на то, как происходило ошкуривание туш, однако можем предполагать, что шкура не снималась вместе с хвостом, как, например, на Gull Lake site, а хвост, очевидно, выбрасывался за ненадобностью сразу на месте забоя, чем объясняется полное отсутствие хвостовых позвонков в культурном слое Анетовки 2 (как на местах предварительной разделки, так и на жилой площадке) и, скажем кстати, наличие значительного количества хвостовых позвонков в Амвросиевском костнице (kill-site).

Головной отдел туши отчленялся в Анетовке 2 чаще всего между основанием черепа и первым шейным позвонком (атлантом): в микроскоплениях западного участка найдена значительная серия атлантов при почти полном отсутствии основания черепа (в Gull Lake site при наличии этого способа преимущественно применялся другой — между атлантом и эпистрофеем).

С технологической точки зрения рога бизона легко было отделить от рогового стержня, однако при наличии обильного количества рогов северного оленя, превосходивших бизоньи по качеству и, видимо, специально собиравшихся палеолитическими охотниками, в этой операции анетовцы нужды не испытывали.

Головной мозг на Анетовке 2, судя по оби-

лию нижних челюстей и разрозненных зубов, извлекался через отверстие, образовывавшееся спереди после извлечения языка и отделения челюстей, хотя находка в составе микрокомплексов по первичной разделке одного основания черепа (которое обычно оставалось на месте забоя вместе с черепом) говорит о том, что применялся и другой способ, более употребительный на Gull Lake site.

Верхние челюсти отделялись значительно реже, видимо, для получения костного мозга, и связано это было, скорее всего, с ухудшением жизнеобеспечения; некоторые из фрагментов, впрочем, могли быть обломками черепов, принесенных на поселение с ритуальными целями.

Неоднократное обнаружение в составе микрокомплексов западного участка крупных фрагментов шейного отдела позвоночного столба указывает на полное соответствие на этом этапе практики палеоиндейцев и обитателей Анетовки 2: позвонки очищались от мышечной массы и выбрасывались на месте разделки.

То же можно сказать и в отношении грудного отдела позвоночного столба, обломки которого на Анетовке 2 составляют абсолютное большинство среди остатков осевого отдела.

Так же, как и на Gull Lake site, редко находки фрагментов пояснично-крестцового отдела. Особенности строения этого сегмента туши со множеством длинных остистых отростков не позволяли, видимо, достаточно чисто снимать мясо крупными ломтями, что делало разделку пояснично-крестцового отдела на предварительном этапе не слишком целесообразной, в силу чего весь сегмент уносился, скорее всего, к жилищам, где и происходила дальнейшая его полная утилизация.

Хвостовых позвонков очень мало на местах забоя (хотя можно думать, что они первоначально были представлены достаточно пропорционально, но количество их уменьшилось в результате деятельности грызунов и воздействия дождевых потоков) и совсем нет в комплексах по предварительной разделке и полной утилизации. Это наталкивает на мысль о двух пространственно-временных этапах разделочного процесса.

Первый этап происходил на месте забоя, где снималась шкура (и часто отделялся хвост), потрошилась брюшная часть, отделялся и разделялся череп, а остальная туша расчленялась на две части для удобства транспортировки из овражной ловушки на более приспособленный к разделке участок.

На **втором этапе**, представленном западными микрокомплексами Анетовки 2, разделялись осевой и периферийный отделы скелета. Подвижное сочленение лопаточной кости с плечевой и её сухожильное крепление в области проксимального эпифиза давало возможность отделять её без разрушения суставных поверхностей и легко освобождать от мышеч-

ной массы. Однако неоднократные находки отчлененных головок лопаточных костей на местах разделки указывают на разрушение кости в области шейки, для чего обязательно было применение тяжёлых камней и рубящих орудий (и то и другое наличествовало в составе микрокомплексов Анетовки 2, также как и на Gull Lake site). Это можно было бы объяснить просто большей подверженностью тела лопатки механическим разрушениям (что и было сделано сначала по отношению к Анетовке 2), но сходная модель на в 20 раз более молодом и отлично сохранившемся комплексе Gull Lake site говорит именно о целенаправленном отделении лопаточной головки.

Возможен и третий вариант разделки этой области — отчленение лопатки от туловища вместе с мышцами и губчатым проксимальным концом плечевой кости, пригодным для употребления в пищу. В этом случае приходилось не срезывать мякоть с кости, а разрушать саму кость; несмотря на кажущуюся абсурдность такого варианта, материалы Анетовки 2 не находятся в противоречии с разделочной практикой людей палеолита (Shipman, Bosler, Davis 1981: 265), хотя и представляют собой примитивный способ разделки (Todd, Rapson 1983: 324).

Разделка собственно передней конечности происходила в области локтевого сустава либо путём разрезания сухожилий, либо отбиванием эпифизов, при этом во многих случаях более хрупкие верхние концы лучевой и локтевой костей полностью разрушались.

Нижний отдел конечностей, очевидно, либо подвергался разделке значительно реже, либо расчленялся уже в процессе потребления, поскольку остатки его встречаются спорадически.

Разделка области таза и пояса задних конечностей совпадают в европейском и североамериканском вариантах не во всех деталях.

По материалам западного участка Анетовки 2, эта часть туши подвергалась расчленению в голеностопном (причём кости стопы выбрасывались за ненадобностью) и тазобедренном суставах, для чего большой вертлюг бедренной кости отбивался от тела кости. Эта модель прослеживается и в фаунистическом материале Gull Lake site, но более общей является другая — тазовая кость разламывалась на две части, присоединяясь к каждой из конечностей, а конечности разделялись в коленном суставе.

Этим ограничивался **второй этап** процесса предварительной разделки.

Сравнив описания разделочного процесса в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья, в каменном веке Высоких Равнин и в этнографической современности (см. приведённые выше пять закономерностей разделки, выделенных L. Binford'ом), мы убедимся, что, несмотря на разительные отличия и значительный разброс памятников в географическом и

хронологическом отношении, реконструированные археологическим путем процессы обнаруживают много черт сходства как между собой, так и с описаниями, построенными на основании этнографических данных. Это представляется вполне закономерным, ибо способы разделки целиком определяются скелетно-мышечной структурой объекта потребления и неизбежно должны были оказаться сходными в основных чертах для всех видов животных.

Чрезвычайно интересные результаты даёт сравнение структур скелетных элементов на разных памятниках позднего палеолита степной зоны: Анетовки 2 (западный участок) — места первичной разделки, Каменной Балки 2 — места поселения людей и Амвросиевки — места забоя бизонов (данные по двум последним взяты в: Леонова, Миньков 1987; Leonova, Min'kov, 1988, а процентные доли отдельных элементов скелета сложены для удобства сравнения по отделам скелета бизона).

Доля черепного отдела абсолютно одинакова для Анетовки 2 и Амвросиевки (соответственно 34.4 и 35.8 процентов), но при этом следует учесть, что в первом случае для восточного (жилого) участка из костей черепного отдела 62.2% приходится на нижние челюсти, то есть на части головы, содержащие костный мозг, а на западном преобладают верхние челюсти (44.3%), доля же фрагментов черепной коробки составляет всего 11.5% при очень высокой степени раздробленности. Напротив, в случае с Амвросиевкой на черепную коробку вместе с верхними челюстями приходится 67.6% всех черепных костей — убедительное доказательство приведённой нами выше логики разделочного процесса: черепа после извлечения из них головного мозга (не во всех случаях) и языка покидаются на месте забоя, а язык вместе с нижними челюстями уносится на стойбище.

На Каменной Балке 2 доля черепных костей также высока — 25.6%, однако черепная коробка в их числе составляет всего 3.5%, в то время как нижние челюсти, до предела утилизированные (целых экземпляров почти нет) занимают 96.5% при полном отсутствии каменных костей, из чего можно сделать вывод о том, что на Каменной Балке 2 головной мозг бизонов вообще не употреблялся в пищу, а остатки черепа попали в культурный слой вслед за остальными костями.

Такая картина вполне характерна для состава скелетных элементов собственно поселенческих (жилищных) комплексов. Содержимое черепной коробки почти у всех животных не является ценной частью туши, и охотники, не имеющие соответствующих средств транспортировки, избегали трудозатрат на переноску тяжестей от места забоя к охотничьему либо резидентному лагерю (голова слона весит около 130 кг, голова бизона — 65 кг). У бизона же деликатесные качества имеют лишь мозги маленьких

телят и в меньшей степени коров, в связи с чем можно предполагать, что большинство черепов оставалось на месте забоя, что подтверждается и данными по Gull Lake site — месту забоя, где черепные кости наиболее многочисленны. Следует заметить, что экономия усилий на транспортировке продуктов характерна для всех первобытных народов вообще. Голова северного оленя намного легче, чем у бизона, и имеет гораздо более высокие вкусовые качества, однако и её часто бросают на месте забоя животного, предпочитая передвигаться налегке (Зализняк, 1989, с. 72, 73).

Очень показательным процентное содержание остатков осевого отдела по памятникам. На Амвросиевке они составляют только 3.2% от общего количества остеологических находок, и это полностью согласуется с тем, что на местах забоя не производится разделка самой туши животного, которая в минимально расчленённом виде переносится на более приспособленное место.

На участках первичной разделки Анетовки 2 доля осевого отдела самая высокая — 35.8%. Именно здесь, и только здесь происходила разделка рёберной части туши, после которой позвоночный столб бросался на месте разделки, доказательством чему является практически полное отсутствие позвонков в жилой зоне (Каменная Балка 2) — 0.8%.

Распределение костей конечностей также представляется закономерным в свете предложенной реконструкции процесса разделки. На Амвросиевке их доля составляет 40.1% (11 — передние и 29.1 — задние), но надо заметить, что из них 72.3% приходится на кости, не представляющие пищевой ценности и потому сразу же выбрасывавшиеся как мусор (лопаточная, тазовая и особенно пястные и плюсневые, составляющие 43.4% от общего количества остатков костей конечностей). На Анетовке 2 процент конечностей значительно меньше — 29.3%, причём преобладают кости передних конечностей (61.1%) как подвергавшиеся разделке в большей степени по причинам, указанным выше. Наконец, на Каменной Балке 2 остатки конечностей обнимают 65.6% всех костных фрагментов, как и следовало ожидать на площади поселения, где шло полное потребление туши с использованием частично разделанных конечностей и костного мозга трубчатых костей.

Любопытно и процентное соотношение фаланг. На Амвросиевке они составляют 20.9% (при этом фаланги из-за своих малых размеров диагностируются в пропорции 1:1, в то время как трубчатая кость способна дать десятки фрагментов, поэтому нужно думать, что в действительности их доля была ещё выше), что очень типично для мест забоя животных. На

Анетовке 2 фаланг обнаружено всего 0.5% — явное свидетельство того, что на микрокомплексах по предварительной разделке нижние части конечностей вообще не разделялись. И на Каменной Балке 2 их доля может показаться необычно высокой (8%), но объясняется это тем, что фаланги попадали на жилую площадку вместе со всей конечностью, где и оставались после полной утилизации.

Итак, привлечение доступных материалов по палеолиту Причерноморья показывает, что разделочный процесс в очень многих своих чертах вписывается в этнографическую модель, а также в опосредованную через неё модель разделки палеоиндейцев. Разделка бизоньих туш, имевшая место на западном участке раскопок Анетовки 2, была частичной и затрагивала лишь основные, узловые точки бизоньей туши, что обеспечивало её расчленение на отделы: головной, осевой, или два рёберных, пояснично-крестцово-тазовый, передних и задних конечностей, оставляя достаточно простора для дальнейшего расчленения туши в пределах хозяйственно-бытовых комплексов типа жилищных или внешних очажных, где концентрировалась поселенческая поведенческая активность обитателей памятника. Разделка, несмотря на свой, казалось бы, чисто утилитарный и прозаический характер, была именно тем производственным процессом, который связывал в единую цепь процессы охоты и утилизации охотничьей добычи, растягиваясь на несколько этапов во времени и на значительные расстояния в пространственном отношении. Основываясь лишь на материалах комплекса по первичной разделке, обнаруженного к тому же на единственном памятнике, мы не можем описать процесс разделки в полном объёме, ибо для этого потребовалось бы рассмотрение разделочного процесса в его взаимосвязи с процессом охоты и поселенческой деятельности после проведения охотничьих действий, что составляет тему отдельной и более пространной работы. Здесь хотелось бы обратить внимание прежде всего на два основных момента: 1) технологические закономерности разделочного процесса существуют не только в этнографической практике, но и в археологическом материале в виде закономерностей пространственного размещения находок (прежде всего остеологических) как на внутриселенческом, так и на межпоселенческом уровнях; 2) ни один из археологических памятников или комплексов не будет содержать полного объёма информации обо всех аспектах разделочного процесса, что влечёт за собой необходимость комплексного изучения всех имеющихся в наличии археологических материалов с точки зрения реконструкции процесса разделки.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
- Краснокутский К.Е. Охотничий промысел бизонов в палеолите Северо-Западного Причерноморья. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Киев, 1991.
- Леонова Н.Б., Миньков Е.В. 'К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка-уникального памятника позднего палеолита Приазовья,' в кн.: Проблемы интерпретации археологических источников, Орджоникидзе, 1987, с. 34-49.
- Станко В.Н. 'Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите (по материалам поселения Анетовка II),' в кн.: Первобытная археология, Киев, 1989, с. 54-63.
- Binford L.R. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York, 1978.
- Binford L.R. *Bones: Ancient Man and Modern Myth*. New York, 1981.
- Binford L.R., Bertram J.B. 'Bone frequencies and attritional processes,' in *For theory building in archaeology*, New York, 1977, pp. 353-384.
- Frison G.C. 'Glenrock Buffalo Jump, 48C0364: Late prehistoric period buffalo procurement and butchering,' in *Plains Anthropological Memoire*, 1970, No. 7, pp. 89-97.
- Frison G.C. 'The Wardell Buffalo Trap 4880301: communal procurement in the upper Green River basin, Wyoming,' in *Anthropological Papers of the Museum of Anthropology*, University of Michigan, 1973, v. 48, pp. 24-42.
- Frison G.C. *The Casper Site: a bison kill on the High Plains*. New York, 1974.
- Kehoe T. *The Cull Lake Site: a prehistoric bison drive site in southwestern Saskatchewan*. New Berlin, 1973.
- Leonova N.B., Minkov E.V. 'Spatial analysis of faunal remains from Kamennaya Balka II,' *Journal of Anthropological Archaeology*, 1988, No. 7, pp. 203-230.
- Shipman P., Bosler W., Davis K.L. 'Butchering of the Giant Geladas of an australian site,' *Current Anthropology*, 1982, V. 22, No. 3, pp. 257-268.
- Todd L.C., Rapson D. 'Long bone fragmentation and interpretation of faunal assemblages: approaches to comparative analysis,' *Journal of Anthropological Science*, 1988, V. 15, No. 3, pp. 307-326.
- Wheat J.B. *The Olsen Chubbuck site: a Paleoindian bison kill*. Washington, 1972.